

*Нина Ягодинцева,
кандидат культурологии,
профессор ЧГИК*

Феномен книги в переходную эпоху
культуролого-полемическое эссе

Тема книги является сегодня не просто актуальной – она для культуры одновременно магистральная, то есть главное направление осмысления, и рубежная – от того, как мы определяем суть нашей литературной работы, по большому счёту зависит, останется ли книге книгой, или она станет забавной безделушкой, предметом коллекционирования странных людей, ретроградов и противников прогресса, и даже поделочным материалом для очумелых ручек.

Давайте обозначим для начала координаты нашего осмысления. Откуда и куда устремлена переходная эпоха, как изменяется значение книги на этом переходе, какие варианты перспектив нас с книгами ожидают и что мы можем и, очевидно, должны предпринять сегодня.

На протяжении последних пятидесяти лет мы отчётливо видим два важных социокультурных рубежа. Первый – тысяча девятьсот девяностые годы, второй – две тысячи двадцатые. Сначала конспективно о девяностых, когда произошла резкая смена государственной идеологии: пришедшая на смену коммунистической либеральная идеология стала транслировать свои ценности через либеральную литературу и систему издательств, премий, ярмарок, книготорговли и рекламы.

Остальная литература была отпущена на самотёк и самиздат, и к началу двухтысячных превратилась в «дикое поле», где островки традиционной патриотической литературы (плюс небольшие стойкие издательства и более чем скромные премии и ярмарки) с трудом удерживаются профессиональными писателями под нарастающим напором воодушевлённой литературной самодеятельности.

Как изменяется при этом статус художественной книги? Малая часть книг либерального толка, идеологически и эстетически заточенная на эгоизм, вседозволенность, приоритет потребления в противовес труду и творчеству, неизменная русофобия и в итоге, как мы сейчас видим, на разрушение человеческого в человеке и прямого яростного человеконенавистничества, – так вот, эти книги маркируются как настоящие (и для них издательства с гонорарами, премии, ярмарки, реклама), а всё остальное – то самое «дикое поле», на котором режутся графоманы, и обращать на них внимания не стоит.

Именно на этом «диком поле» и происходили до недавнего времени два противоположных процесса: самоорганизация литературного дела как осмысления реальности, где книга выполняла свою прямую функцию в общественном диалоге – и разрушение литературы бесконечной профанацией, где книга стала атрибутом, формальным подтверждением формального статуса «писателя». В этой борьбе, пусть поначалу не слишком заметно для нас, но

сегодня уже более чем очевидно, и менялись общественный статус книги, отношение к чтению, изменялись сами писатель и читатель.

Мы не будем сейчас пристально рассматривать сторону читателя и его глобальные проблемы. Упомянем только, что и ему сегодня непросто: умножение и усиление информационных потоков, нарастающую эмоциональную агрессию, тотальную манипуляцию, подмену вербального (словесно-творческого) визуальным (картинкой), цифровой соблазн механизации мыслительного труда и многие другие факторы, которые обрушились на нас и привели к тотальному поредению читательских рядов. И нет, наверное, собраний, на которых об этом не говорят.

А вот писательские ряды выросли катастрофически. И это действительно катастрофа, требующая пристального рассмотрения. В своих рассуждениях и оценках мы будем исходить из того, что литература – это произведения письменности, имеющие общественное значение.

Первым действием в начале девяностых по уничтожению общественного статуса книги стало разрешение самиздата. Издательства, прежде выполнявшие экспертизу общественной значимости произведений, стали производить оценку финансовой состоятельности заказчиков печатной продукции: любой каприз за ваши деньги. И их трудно винить за это, ибо рынок и по-другому не выжить. ***Издательская деятельность стала преимущественно рыночной услугой. Экспертная оценка общественной значимости произведений была отменена.***

И буквально за десять лет целенаправленная профессиональная писательская деятельность практически растворилась в литературной самодеятельности, ибо той по факту оказалось не просто больше, но всё больше и больше, ведь быть писателем – престижно! Граница между писателем и тем, кто просто умеет писать, и даже просто не умеет писать, стёрлась.

Культурологами, кстати, предполагалась одна из возможных моделей развития нашей цивилизации: островки высокотехнологичного развития, благополучного существования счастливых, здоровых, долго живущих избранных – и «дикое поле» с необходимыми ресурсами вокруг. Узнаёте? Эта модель сегодня уже реализована в литературе.

Но как оправдать агрессию нелитературы и поглощение ею литературы? Очень просто. Либеральной идеей самовыражения. Соблазн самовыражения опирается на один из базовых инстинктов: выделиться, привлечь к себе внимание, доминировать в информационном поле. «Сколько у вас писательских билетов?» – спросила меня дама на фестивале в Тюмени. «Один» – удивлённо ответила я. «А у меня – восемь!» – дама посмотрела на меня снисходительно-сочувственно и отвернулась.

А что плохого в самовыражении? – спросите вы. Ничего плохого нет, только вот литература – это не монолог о себе, это диалог о том, что важно для собеседников. И если в диалоге один бесконечно самовыражается (а сегодня всё чаще и просто нецензурно выражается), не слыша никого вокруг, то зачем это собеседнику? ***Книга из осмысленной реплики в общенациональном***

диалоге превратилась в монолог, который интересен только самому автору и в некоторых отдельных случаях его платному психотерапевту.

Но и это далеко не всё, ибо рынок в поисках прибыли постоянно требует инициативы. Появилось огромное количество услуг по изготовлению писателя из вашего материала. Говорим это с горьким сарказмом: мы же понимаем, что каждый человек уникален, и его жизненный опыт, пусть даже самый скромный, его размышления и выводы интересны, а порой могут быть и важны для многих, но именно в литературном выражении: осмысленном, внятном, связном. Будучи выражен косноязычно, мир уникальной человеческой личности становится гротескным, пародийным, жалким – по сути он унижается и уничтожается, но на рынке решающее значение играет прибыль, полученная в результате оказания определённой, не слишком трудоёмкой услуги.

Если в первые годы советских пятилеток стартовал призыв ударников труда в литературу, и над этим в своё время вволю посмеялись, а потом благополучно забыли, то сейчас работает призыв более-менее (а лучше – более) состоятельных людей на рынок околориторических услуг.

Помните анекдот: машину купил, права купил, а где купить ездить?.. Так вот, на литературном рынке продаётся уже и «ездить», то есть писать. ***Сам повод, первопричина появления очень многих книг сегодня – не наличие смысла, которым ты обязан поделиться с собеседником-обществом, а желание почувствовать себя писателем, поэтом и скромные или нескромные возможности издаваться.*** Так порешал рынок. Хотите стать писателем? Что – писать не умеете? Ну, буквы-то знаете? Ну и отличненько. Платите, а мы вас будем мотивировать. И всё это на полном серьёзе.

Мы говорим сейчас о том, что поглощает, унижает, уничтожает литературу как осмысленную деятельность, сложную, мучительную и чаще всего неблагоприятную работу по осознанию реальности. И на минуту оглянемся на читателя: даже если он вдруг оторвался от гаджета в поисках ближайшей библиотеки, то, увидев всё, о чём сказано выше, он в ужасе снова уткнётся в телефон. Что читать в этих книжках-то? Где найти собеседника, как отличить писательский труд от самолюбования?

Но рынок рулит. Коммерческие союзы писателей, продажа орденов и грамот, премии специально для графоманов... И мы думаем, это проходит для литературы бесследно? Не будем так наивны. Да, всегда существовали таланты и была проблема графомании – но никогда ещё не было такого количества текстов низкого качества. Текстов, перелопачивающих штампы, спотыкающихся о собственные знаки препинания, задыхающихся в петлях вычурного синтаксиса... Всё это прекрасный повод отменить литературу вообще.

И вот наступают штормовые двадцатые. В существенной степени они штормят оттого, что предыдущий период был периодом обесмысливания, обезлитературивания. Книга (хоть электронная, хоть бумажная) стала делом сугубо личным. Сегодня я хочу шубу, а завтра захочу книгу – какая разница? Да никакой.

А между тем – как важно сегодня понимать, что происходит, осмысленно действовать, объединять множество разрозненных волей в единую волю народа к жизни, поддерживать и воодушевлять павших духом, преодолевать неизбежные теперь уже катастрофы, сохранять и умножать любовь, учить детей, наконец, тому, что даст им шанс выстоять в этой глобальной передрыге и обжить неизвестное пока будущее...

Вы уже обратили внимание, что начинается этот ряд действий с осмысления, прямой задачи литературы. Нужна как воздух книга-собеседник, книга-советчик, книга-друг... Нужно умножение жизненного опыта и пробуждение пассионарности – мы же помним, как говорил о писательстве (и опосредованно о чтении) наш земляк – Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец – вот где настоящая жизнь и настоящее счастье».

Но наши приключения продолжаются. В игру вступают цифровые технологии, они предлагают нам стремительные коммуникации, благодаря которым первыми объединяются... да, вы угадали – производители нелитературы, поскольку пишут они много, издаются стремительно, создают для себя систему общения, где раздаются плюшки, медальки, титулы – всё это очень приятно коллекционировать. Тут ещё и искусственный интеллект подоспел. Леня писать пейзаж, портрет, выстраивать диалог между героями – заложил исходные параметры в компьютер, как бельё в стиралку, нажми кнопку, что-то там погудит, повертится – и готово. А пока гудит и вертится, можно поразмыслить о собственном величии.

О полной профанации общественно важного литературного дела свидетельствует и тот факт, что на литературно-творческом рынке (простите меня за эту жёсткую формулировку реального процесса) доминируют следующие услуги: писательский марафон «книга за 90 дней», подороже – «книга за 60 дней», и вот уже читаем ВКонтакте: (передаю не дословно, но смысл точен): «Только не останавливайте меня, знаю, что получится ерунда, но я хочу написать книгу за 60 дней!». Множатся курсы и мастер-классы «как продать», «как продвинуть», «как набрать сто тыщ миллионов лайков»... Ну надо же чем-то заниматься, пока джипити-чат живёт тысячью жизней вместо тебя, описывая пейзажи, портреты героев и прочую текстовую тягомотину... Вот так рынок в итоге порешил и литературную учёбу, превратив её в литературную торговлю.

И сегодня в сплошном потоке текстов катастрофически снижается общая планка литературной работы – в том числе и профессиональной. Кажется, она уже где-то под плинтусом.

А что читатели? Чума на оба ваши дома, – скажут они. Самые преданные возвратятся к классике, самые любознательные поймут, что ловить в море букв литературу – занятие бессмысленное, самые непритязательные будут читать то, что есть. А мы давайте в стомиллионный раз обсудим, почему народу не нужны наши книги. Нам же тоже надо чем-то заниматься...

Первая часть моего доклада получилась трагической – до смешного, до абсурда – но это реальное положение вещей. Пора понять, что пришла

совершенно другая эпоха – жёсткая, смертельно опасная, эпоха аскезы и напряжённого духовного опыта, время поиска той истины, которая снова объединит нас в народ. Перефразирую мысль одного из наших современников: заменив гражданское самосознание потребительским, мы потеряем себя как народ, как общность, а в одиночку сейчас не выжить точно.

Поэтому книга снова должна стать поступком и восприниматься как поступок. В любом масштабе – от личного лирического до общечеловеческого, ведь внутренний Космос соразмерен внешнему и ответственен ему. В чём же суть этого поступка?

Первое – **общественная значимость высказывания**. Ну вот представьте себе – вцепился в ваш рукав назойливый собеседник и говорит-говорит что-то про дороговизну, скандалы с соседями, сериалы, сплетни какие-то... Для человека, может, важно высказаться, душу облегчить, самовыразиться край как нужно – а у вас своего груза на сердце хватает, и людей этих, и сериалы, о которых речь, вы не знаете, и времени жалко... Не о чем говорить. Представили? Это отношение к книге, которую называют обычно «домашняя радость». Идём дальше.

Второе – **форма высказывания**. Если человек, только отошедший от мусорного бачка, заговорит с вами безграмотно, или бесцеремонно грубо, или – того хуже – матом, вы постараетесь как можно быстрее выйти из этого общения, иногда даже полицию вызывать приходится – не из-за безграмотности, конечно (а жаль!), а от невозможности защититься самому и защитить близких. Представили? Это отношение людей к книгам безграмотным, эпатажным, ядовито-агрессивным. Продолжим.

Третье – **ценностное основание высказывания**. Когда к вам обращаются с настойчивым предложением сыграть в напёрстки, попробовать небывалые удовольствия, забыться в раскрепощённых отношениях или устроить жестокую потеху – что ответите вы? Согласитесь ли отдать жуликам ценное, подсесть на смертельные иллюзии, вляпаться в грязный разврат или смертельную историю? Безнравственные книги разрушают человека изнутри, но мы настолько дезориентированы в том, что ценно, а что смертельно опасно, что готовы запрещать «Красную Шапочку» за оставление ребёнка без присмотра и жестокое обращение с животными (там в финале волку живот вспарывают, извините), подозревать Карлсона в педофилии (он же мужчина в самом расцвете лет!), недавно прилетало и «Каникулам в Простоквашино», потому что ребёнок живёт в деревне один с какими-то животными, а родители в это время отдыхают на море. В детской литературе больше всего скандалов, потому что все ещё помнят: детей надо защищать, а вот от чего и как – уже непонятно. Во взрослой литературе то же самое происходит тихо: считается, что взрослый человек способен разобраться и защитить себя сам. Но судя по тому, от чего он защищает своих детей, – и тут всё очень печально.

Подытожим: чтобы совершить поступок, чтобы поступок этот состоялся, надо глубоко чувствовать и отчётливо **понимать, насколько важен наш повод для высказывания. Нужно высказаться настолько внятно, чтобы вас поняли** – то есть на чистом и красивом русском, башкирском, осетинском –

любом прекрасном родном языке. А этому надо учиться – трудно и довольно долго. И, наконец, главная составляющая поступка: ценностное основание – выплёскиваем ли мы в мир тьму и хаос собственной души, как грязную воду из окна на головы прохожих, продаём ли мы призрачный свет смертельно опасных сегодня иллюзий, соблазняем и развращаем? Или несём свет выстраданный, хотя бы малую искру, которая, сливаясь с другими, с внутренним светом читателя, может осветить бурное пространство жизни, выручит, удержит, подскажет, спасёт?

В начале мы сказали, что у либеральной литературы всё было в шоколаде. Да – до недавнего времени издавались, рекламировались, премировались. Теперь ясно, что для жизни она не нужна, потому что с треском обанкротилась обслуживаемая ею идеология. Время уже изменилось. А мы – ещё нет.

Давайте совершать поступки!